

УДК 338.2(09)

ББК 63.3(253)

DOI [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).702-724](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).702-724)

А. И. Тимошенко

*Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация*

СОВНАРХОЗОВСКАЯ РЕФОРМА КАК ПОПЫТКА ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ СССР: СИБИРСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с проведением так называемой совнархозовской реформы в СССР во второй половине 1950 — первой половине 1960-х гг. Реформа оценивается автором как попытка децентрализации управления советской экономикой в условиях постсталинского периода развития страны. В Сибири в этот период наблюдалось масштабное индустриальное строительство в рамках стратегического движения производительных сил на восток. Кроме того, Сибирь в условиях «холодной войны» оценивалась в качестве национального значимого тылового района, достаточно удаленного от всех границ государства и богатого природными ресурсами. В государственной политике СССР преобладали цели, направленные как на усиление в целом экономического потенциала Сибири, так и на развитие здесь военно-оборонного производства, в том числе и ракетно-ядерных вооружений. А это требовало, как правило, централизованного управления для решения мобилизационными методами чрезвычайных задач в соответствии с вызовами времени.

Ключевые слова. Военно-оборонный комплекс, индустриальное производство, природные ресурсы, сибирский тыл, Сибирь, СНХ.

Финансирование. Грант Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-01-00068а «Феномен сибирского тыла в исторической динамике XX столетия»).

A. I. Timoshenko
*Institute of History of the SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation*

THE ECONOMIC COUNCIL REFORM AS AN ATTEMPT TO DE-CENTRALIZE ECONOMIC MANAGEMENT IN THE USSR: SIBERIAN AND REGIONAL ASPECTS

Abstract. The paper analyses some issues connected with the implementation of the so-called Economic Council reform in the USSR in the second half of 1950s – first half of 1960s. The author views the reform as an attempt to decentralize the management of the Soviet economy in the post-Stalin period. In this period Siberia witnessed a large-scale industrial construction within the framework of the strategic movement of production facilities to the east. Besides, the unfolding of «cold war» made Siberia a home front area of national importance, considerably distanced from all state borders and rich in natural resources. The dominant goals of the USSR state policy included both strengthening Siberian economic potential and the development of military-defense production, including nuclear missile weapons. Centralized management efforts were usually necessary to solve urgent tasks by mobilization methods as required by the challenges of that time.

Keywords. Siberia, the Economic Council, natural resources, Siberian home front, military-defense complex, industrial production.

Financing. The grant of the Russian Humanitarian Research Fund (project No. 14-01-00068a «The Siberian rear phenomenon in historical dynamics of the 20th century»).

К середине 1950-х гг. в СССР наметилась тенденция замедления темпов роста промышленного производства. Советское правительство искало новые формы управления и пришло к выводу о необходимости замены существующей отраслевой системы управле-

ния на территориальную. Предложенная правительством реформа должна была выразиться в создании новых организующих органов – Советов народного хозяйства экономических и административных районов (СНХ). В 1954–1956 гг. началось некоторое перераспределение функций управления промышленностью. Из общесоюзного в республиканское подчинение было передано около 15 тыс. предприятий металлургии, угольной, нефтяной и других отраслей промышленности. В Сибири в ведении общесоюзных структур оставались лишь наиболее крупные предприятия, производящие 58,2 % промышленной продукции региона [7, с. 353].

10 мая 1957 г. Верховный Совет СССР принял закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», а в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 1 июня 1957 г. в Российской Федерации образовывались совнархозы. Их структура определялась спецификой экономических районов, но организационные принципы управления были едиными. 26 сентября 1957 г. специальным постановлением Совета Министров СССР было принято Положение «О Совете народного хозяйства экономического административного района», на основе которого в СССР было создано 105 экономических районов и соответственно СНХ в них [4, с. 784–805].

Все эти документы юридически определяли статус, обязанности и правовые полномочия СНХ как территориальных структур экономического управления и давали им достаточно широкие полномочия на подведомственных территориях. Вместе с тем сохранившаяся при этом централизованная система распределения ресурсов в значительной степени ограничивала самостоятельность предприятий. Летом 1957 г. в Западной Сибири были созданы Алтайский, Кемеровский, Курганский, Новосибирский, Омский, Тюменский и Том-

ский СНХ, в Восточной Сибири – Бурятский, Якутский, Красноярский, Иркутский, Читинский, на Дальнем Востоке – Приморский, Хабаровский, Амурский, Сахалинский, и Камчатский.

Все Советы народного хозяйства выстраивали свою, обозначенную в основополагающих реформируемые документах, структуру управления. Их предприятия, как правило, производили значительную часть промышленной продукции подведомственных регионов. В Западной Сибири основные направления в реформировании заняли главные отрасли промышленности, связанные с машиностроением, угледобычей и энергетикой. В Кузбассе крайне важным было реформирование управления предприятиями черной и цветной металлургии. В Красноярском крае в период экономических реформ на взлете была энергетика, предприятия военно-промышленного комплекса. Территория края, практически находящаяся в центре Сибирского региона, рассматривалась в рамках военно-политической доктрины СССР как часть стратегического тыла советского государства, относительно удаленного от всех границ и богатого природными минерально-сырьевыми и топливно-энергетическими ресурсами.

Обращение к Советам народного хозяйства во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. в региональной политике СССР можно оценить как своеобразную попытку децентрализации государственной системы экономического управления. Кроме того, явно присутствовало стремление государственного управления снизить степень напряжения в обществе, уменьшить количество чрезвычайных ситуаций и в то же время способствовать развитию регионов и повышению уровня жизни населения. Предполагалось, что создание системы управления через СНХ позволит увеличить властные полномочия регионов и обеспечить эффективный механизм социально-экономического

развития СССР в целом в условиях начавшегося нового этапа модернизации экономики. Реформирование, с одной стороны, должно было включить в модернизационные процессы все регионы, а с другой — уменьшить централизм и дать большую свободу на местах в наращивании собственного производственно-промышленного потенциала.

Необходимость в изменении управления народнохозяйственным комплексом СССР в этот период возникла и по объективным причинам, связанным с все более усложняющейся структурой отраслей советской экономики. Кроме того, партийные лидеры во главе с Н. С. Хрущевым боялись потерять свое центральное положение в определении главных стратегических направлений развития экономики страны. С ростом производства хозяйственно-техническая бюрократия министерств и ведомств объективно набирала все большую силу, которой руководству КПСС хотелось не только противостоять. Партийные организации всех уровней должны были, по мнению Хрущева, играть главную руководящую роль и определять производственные результаты, а для этого им необходимо предоставить большие права по контролю над деятельностью предприятий [14, с. 233].

Складывающиеся обстоятельства различного порядка в целом требовали совершенствования управления быстро растущей промышленностью СССР, в которой необходимо было отраслевые принципы организации дополнить территориальными. Наибольшую важность это представляло для Сибири и Дальнего Востока — пространственных территорий СССР и весьма удаленных от центра политического и экономического управления. Уже в конце 1940-х гг. было заявлено о продолжении стратегического курса в государственной политике СССР в отношении сдвига производительных сил в восточную сторону. СНХ, предполагалось, сыграют в этом отношении решающую роль,

обеспечат планомерное движение производства в восточные регионы страны и создадут там условия для формирования эффективных территориально-производственных комплексов, необходимых для рационального размещения производства в интересах всего народного хозяйства.

В 1947 г. в Иркутске состоялась конференция по развитию производительных сил области, на которой обсуждался широкий спектр проблем, связанных с комплексным освоением на индустриальной основе гигантского Восточно-Сибирского края. В конференции принимали участие более 500 представителей от центральных, уральских, сибирских научных и проектных организаций, ведомств и учреждений. Обсуждалось развитие не только промышленности, но и транспорта, лесного и сельского хозяйства, вопросы градостроительства, развития социальной сферы. Конференция имела одновременно научное и политическое значение, так как на ее трибунах вырабатывались стратегические основы социально-экономического преобразования восточных регионов Сибири, богатых природными ресурсами. Решение Ангаро-Енисейской проблемы, объявленной в 1930-гг. в качестве следующего после Урало-Кузнецкого мегапроекта, было оценено как новый этап в движении производительных сил СССР в восточном направлении.

Конференция признала своевременной постановку вопроса о создании генерального плана развития народного хозяйства Восточной Сибири и отметила, что в более отдаленной перспективе в пределах территории между Красноярском и Иркутском возможно создание нового «могучего промышленного комплекса на основе гидроэнергии рек Ангары и Енисея с масштабами энергопотребления, как минимум равными тем, которые достигаются современным использованием углей на Урале и в Кузнецком районе, но при эффективности труда в 2–3 раза более высокой». Предпо-

лагалось, что в Ангаро-Енисейском регионе будет создан не менее масштабный, чем Урало-Кунецкий индустриальный комплекс, Восточно-Сибирский комбинат с крупными энергетическими резервами для дальнейшего развития всего СССР. Этот комбинат, включив в себя енисейско-ангарские энергетические установки, будет теснейшим образом связан с Кузбассом. Кроме того, он позволит вовлечь в эксплуатацию громадные ресурсы лесов, минерально-сырьевых месторождений Восточно-Сибирской платформы и приблизит центр индустрии к Дальнему Востоку, Якутии, Енисейскому Северу, ускорит разработку богатств всей этой огромной территории [8, с. 107-108].

Данные стратегические намерения были подтверждены решениями XIX и XX съездов КПСС, в которых акцент был сделан на развитии в Сибири и на Дальнем Востоке отраслей электроэнергетики, как гидравлической, так и тепловой, позволяющих формировать в восточных регионах СССР целые комплексы энергоемких производств. Решения XX съезда КПСС определили конкретные планы, намечавшие в ближайшее время в Сибири «ввести в действие на Ангаре Иркутской ГЭС мощностью 660 тыс. киловатт, первой очереди Братской ГЭС, полная мощность которой составит 3 млн 200 тыс. киловатт, Новосибирской ГЭС на Оби мощностью 400 тыс. киловатт. Приступить к строительству Красноярской ГЭС на Енисее мощностью 3 млн 200 тыс. киловатт и Каменской ГЭС на Оби мощностью 500 тыс. киловатт» [1, с. 443].

Дальнейшее развитие стратегия движения производительных сил на восток получила в 1958 г. в процессе работы Всесоюзной конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири, которая констатировала факты проделанной в данном направлении работы. В 1956 г. вступила в эксплуатацию Иркутская ГЭС, готовилось к перекрытию русло Ангары в процессе строительства Братской ГЭС, были начаты

подготовительные работы к возведению Усть-Илимской и Красноярской ГЭС. Поэтому на конференции отмечалось, что в Ангаро-Енисейском регионе уже начато формирование нового высокоэффективного индустриального района СССР. Задача лишь в планомерном и рациональном управлении процессом правильной расстановки акцентов экономической политики, своевременном конкретном проектировании и строительстве предприятий будущего комплекса [10, с. 6-7; 11, с. 22-24, 105].

На конференции была представлена новая, по сравнению с 1930-ми годами, концепция хозяйственного развития Ангаро-Енисейского региона. Изучение природных и минерально-сырьевых ресурсов Сибири в 1940-1950-е гг. выявили в регионе крупные месторождения угля, железных руд, сырья для алюминиевой промышленности. В 1956 г. на Ангаре было открыто крупнейшее в мире Горевское месторождение полиметаллических руд, месторождения магнетитов, фосфоритов, каменной соли, редкоземельных элементов и других полезных ископаемых, что в целом позволяло наметить новые направления в решении Ангаро-Енисейской проблемы. Основу проекта по-прежнему составляла гидроэнергетика. С учетом уникальных природных возможностей рек Енисея и Ангары проектировщики, как и в прошлые годы, намечали строительство нескольких гидроэлектростанций по всему течению. Вместе с тем, к концу 1950-х гг. в условиях богатства угольных ресурсов более пристально стали рассматриваться возможности строительства в регионе и теплоэлектростанций.

Наиболее реальным для освоения в ближайшие десятилетия оценивался Канско-Ачинский угольный бассейн, находящийся в благоприятных природно-климатических и экономико-географических условиях Сибири. Здесь в конце 1950-х гг. было открыто крупнейшее в мире Березовское месторождение

каменного угля с толщиной пластов до 70 м. Разведочные работы показали его совершенную уникальность. Неглубокое залегание мощнейших пластов позволяло вести здесь добычу наиболее эффективным открытым способом в больших размерах до 1 млн т в год [15, с. 33].

Рекомендации конференции по развитию топливно-энергетических отраслей Восточной Сибири, строительству металлургических предприятий были внесены в семилетний план развития народного хозяйства СССР, но реализованы они были лишь частично. В Канско-Ачинском бассейне к концу семилетки (1959–1965 гг.) функционировали только два относительно крупных разреза – Назаровский и Ирша-Бородинский с перспективой увеличения их мощности в дальнейшем примерно в два раза, принято решение о строительстве Назаровской ГРЭС с проектной мощностью в 1,4 млн кВт. Строительство Березовского разреза и ГРЭС было отложено на неопределенное время.

Проектанты угледобывающих и энергетических предприятий столкнулись с необходимостью решения целого ряда сложнейших технических и особенно экологических проблем. Под давлением различных факторов формирование крупнейшего в мире топливно-энергетического комплекса по намечавшейся в 1950-е гг. схеме не осуществилось. Но те предприятия, которые были построены в Канско-Ачинском бассейне, внесли весомый вклад в социально-экономическое развитие Сибири. Энергия, полученная из канско-ачинского угля, активно использовалась не только в Красноярском крае, но и в Кемеровской и Иркутской областях, Алтайском крае. Ею питались крупнейшие предприятия военно-оборонного комплекса Сибири, входившие в систему атомной промышленности СССР. В процессе разработки плана семилетки в важнейших государственных документах для Сибири на-

мечались высокие темпы разработки месторождений полезных ископаемых, лесных богатств и развитие на этой основе черной и цветной металлургии, химической и лесохимической промышленности, электроэнергетики на базе строительства мощнейших в мире ТЭЦ и ГЭС [4, с. 782–783].

Одним из приоритетных направлений развития промышленности Сибири рассматривалось производство черных и цветных металлов. Правительство ставило задачу создания в восточных регионах третьей металлургической базы СССР. В 1957 г. под Новокузнецком, недалеко от Кузнецкого металлургического комбината, развернулось строительство второго в Сибири завода с полным металлургическим циклом – Западно-Сибирского комбината, а также началась подготовка сырьевой базы для него в Горной Шории и Хакасии. В 1957–1964 гг. в Иркутской области сооружался Коршуновский горно-обогатительный комбинат на ресурсной базе крупных месторождений железной руды в Восточной Сибири. По планам семилетки здесь же намечалось строительство крупного Тайшетского металлургического завода, который так и не был сооружен в результате различных обстоятельств. С пуском в эксплуатацию в 1964 г. Коршуновского ГОКа произведенный им железорудный концентрат стал поступать на Западно-Сибирский металлургический комбинат, запустивший в эксплуатацию первую доменную печь в том же году. Строительство новых предприятий, связанных с производством черных металлов, наращивание мощностей уже существующих, значительно повышало роль Сибирского региона в увеличении индустриального потенциала СССР.

В годы семилетки большое капитальное строительство велось в цветной металлургии Сибири. В Ангаро-Енисейском регионе сооружалось сразу три крупных завода по выплавке «крылатого» металла – алю-

миния. 10 февраля 1962 г. первую продукцию выдал Иркутский алюминиевый завод, весной 1964 г. начал действовать Красноярский, который уже в 1965 г. вышел на проектную мощность и выпустил сверх планового задания сотни тонн алюминия высшего качества, сэкономив при этом свыше 30 млн кВт·ч электроэнергии, десятки тонн глинозема, криолита и другого сырья. Сибирский алюминий с маркой Братского алюминиевого завода стал поступать в промышленность СССР с июля 1966 г. [9, с. 48].

Глубокой реконструкции подверглись Новокузнецкий алюминиевый завод, Беловский цинковый, Новосибирский оловокомбинат. Новые производственные мощности создавались на Норильском горно-металлургическом комбинате. Основные производственные фонды цветной металлургии Сибири выросли почти в 2 раза, а производство продукции в 1,7 раза. Восточная Сибирь по производству цветных металлов значительно опережала Западную. В целом в регионе производство валовой продукции в 1945–1965 гг. выросло с 173,8 до 1056,4 млн р. При этом число занятых в отрасли увеличилось с 42,8 до 93,8 тыс. человек [6, с. 353].

В 1950-е гг. центр цветной металлургии СССР не случайно перемещался в восточном направлении и конкретно в Сибирь. В регионе активно велось энергетическое строительство, и он значительно опережал общесоюзные темпы по росту энергетических мощностей. С 1950 по 1960 г. производство электроэнергии в Сибири увеличилось с 8,2 до 38,9 млрд кВт·ч, т. е. почти в 5 раз, тогда как по стране в целом только в 3 раза. Среднегодовой темп прироста производства электроэнергии в Сибири в годы пятой пятилетки составил 15,8 %, в шестой – 17,1. В то время как по СССР соответственно 13,3 и 11,3 %. Удельный вес Сибирского региона в государственном производстве электроэнергии за 1950-е гг. увеличился с 9 до 13 % [2, с. 119].

В угольной промышленности Сибири под воздействием технического прогресса высокими темпами развивалась механизация как подземной, так и открытой добычи угля. Причем уровень механизации основных работ на разрезах значительно опережал подземную добычу. К концу 1950-х гг. добыча и транспортировка угля открытой добычи стала полностью механизированной. На разрезах Кузбасса в 1950–1960 гг. число экскаваторов выросло с 21 до 276, а суммарная емкость их ковшей — с 36 до 867 м³. Количество бульдозеров увеличилось с 2 до 101, паровозов и электровозов — с 5 до 49 [16, с. 85].

Шахты Кузбасса также пополнялись новой техникой. Добыча угля отбойным молотком к концу 1950-х гг. сохранилась, в основном, на подготовительных работах. Появились шахты, где процессы навалки, доставки и откатки добытого угля были полностью механизированы. Всего в 1959–1965 гг. угольная промышленность Сибири пополнилось 32 новыми предприятиями по добыче и обогащению углей, которые значительно увеличили производственные мощности угольной промышленности, а производство продукции почти в 2 раза. В целом в 1946–1960 гг. добыча угля только в Кузбассе выросла в 2,8 раза — с 30 до 84 млн т [5, с. 137].

Как казалось лидерам государственного управления СССР, СНХ смогут решить не только экономические, но и политические проблемы, возникшие в пост-сталинский период. На взгляд реформаторов, необходимо было повышать значимость региональных интересов в экономике и политике государства. По крайней мере, об этом заявлял один из главных инициаторов проведения реформ Н. С. Хрущев. Е. Т. Артемов в своем исследовании считает, что реформа СНХ в большей степени носила политический характер. «С одной стороны, она хорошо согласовывалась с десталинизацией режима, сопровождавшейся показательными призыва-

ми к децентрализации управления и упованием на общественную инициативу. С другой стороны “сталинская пирамида власти”, на вершине которой оказался Н. С. Хрущев, формировалась не им самим и не под него. И такое положение было чрезвычайно опасным для нового лидера» [3, с. 180].

Приоритет политических целей, раздел властных полномочий в государственном управлении присутствовали в полной мере в процессах перехода к территориальному принципу организации промышленности и строительства. Но вместе с тем, реформа нарушала ранее отработанный механизм контроля над исполнением государственных стратегических решений. С ее проведением значительно возростала роль субъективных факторов в экономическом развитии, как на уровне общегосударственного управления, так и регионального. Реформирование также нарушало сложившиеся научно-производственные связи в структуре народно-хозяйственного комплекса СССР. В результате замедлялись процессы научно-технического прогресса. Научно-проектные организации и промышленные предприятия оказывались разобщенными и не могли решать единые проблемы совершенствования производства.

В ряде отраслей сибирской промышленности реформы второй половины 1950 – начала 1960-х гг. ощутило замедлили ход научно-технического прогресса. В меньшей степени это коснулось предприятий военно-оборонного комплекса, которые в большинстве своем продолжали управляться и обеспечиваться всеми необходимыми ресурсами напрямую из Москвы. В процессе реформирования была практически полностью сохранена отработанная ранее схема централизованного управления сибирскими военно-оборонными производствами.

Министерство среднего машиностроения СССР под руководством Е. П. Славского и в годы реформ

продолжало осуществлять управление развитием ядерно-оружейного комплекса страны. Оно в своем подчинении имело не только крупнейшие производственные комбинаты различного плана, но и научно-исследовательские, проектно-конструкторские и строительные организации, которые осуществляли добычу сырья, производство делящихся и радиоактивных материалов, необходимых для ядерных зарядов, а также их хранение, учет, техническое обслуживание, безопасную эксплуатацию при нахождении в войсках, надзор на всех этапах производства, хранения и эксплуатации ядерных зарядов и боеприпасов, демонтаж их в связи со снятием с вооружений и т. д. [11, с. 66–67]. В целом реформирование управления военно-оборонной промышленностью не повлияло на снижение обороноспособности страны. Сибирский тыл и в условиях существования совнархозов выполнял свое предназначение.

В годы совнархозовского периода в Сибири активно создавались предприятия как в целом военно-оборонного комплекса СССР, так и его ядерно-оружейной составляющей. Крупные города региона Новосибирск, Омск, Красноярск, Иркутск, Хабаровск и др. являлись центрами военной авиации, производства боеприпасов и электроники. В конце 1940-х гг. здесь развернулось строительство двух крупных сибирских предприятий атомной промышленности: в Новосибирске завода № 250 (ныне Новосибирский завод химконцентратов) и Сибирского химического комбината № 816 около Томска (Томск-7, г. Северск). После их сооружения завод химконцентратов осуществлял переработку урановой руды, выпускал топливо для реакторов, нарабатывающих оружейный плутоний, топливные стержни и тепловыделяющие сборки. А химический комбинат, на возведенных пяти атомных реакторах и пяти заводах, серийно производил делящиеся материалы и изготовлял из них элементы

и в целом ядерные заряды различной модификации. Всего на этих двух предприятиях действовало 8 из 13 самых крупных в СССР атомных ректоров по выработке оружейного плутония. За все годы производственной деятельности они произвели до 80 % плутония в стране и вместе с другими предприятиями военно-оборонного комплекса в Сибири более 50 % оружейного урана [11, с. 290–291].

Несколько позже в Сибири были построены еще три предприятия по обогащению урана и изготовлению его оружейной формы. В 1950–1964 гг. на берегу Енисея в 64 км от Красноярска в толще гранитных скал на глубине 200–250 км от поверхности сооружался Красноярский горно-химический комбинат (Красноярск-26, г. Железногорск). В 1957 г. выдал первую продукцию — обогащенный гексафторид урана, служивший сырьем для других атомных предприятий, Ангарский электролизно-химический комбинат (г. Ангарск, Иркутской области). 30 октября 1962 г. в 150 км восточнее Красноярска начал работу Электрохимический комбинат № 825, известный как Красноярск-45 (г. Зеленогорск) [11, с. 106–111].

Все эти предприятия атомной промышленности нуждались в большом количестве электроэнергии, которую могли дать крупнейшие ГЭС Сибири, построенные на Ангаре и Енисее. Необходимость снабжения электроэнергией секретных атомных производств в Красноярском крае также была одной из весомых причин для активизации изучения в 1950–1960-е гг. проблем, связанных с формированием Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса. Для получения 1 кг высокообогащенного урана требовалось 175–200 кг руды и около 600 000 кВт·ч электроэнергии [13, с. 221].

В Сибири наилучшим образом сочетались различные возможности как для развития и совершенствования существующих предприятий военно-про-

мышленного комплекса Сибири, так и для создания новых производств военно-стратегического назначения. Построенные в 1950-1960-е гг. крупнейшие в мире энергетические объекты с избытком могли обеспечивать электроэнергией предприятия атомного производства. Сибирские реки давали огромную массу воды низкой температуры и высокой степени чистоты для охлаждения атомных реакторов. Пространства региона, находившиеся в центре страны и покрытые в основном таежными лесами, являлись малоуязвимыми для вражеского нападения и с суши, и с воздуха. А в условиях закрытости страны и умения служб государственной безопасности сохранять ее секреты, сибирские предприятия атомного комплекса долгие годы были недостижимыми и для иностранных разведок.

Наиболее эффективным в формировании военно-оборонного комплекса СССР, в том числе и его ракетно-ядерной части, было десятилетие с середины 1950-х до середины 1960-х гг. Это в полной мере относится к регионам Сибири, так как здесь создавался и действовал крупнейший ядерно-оружейный центр. В том числе, и благодаря ему, стало возможным успешное развитие атомной промышленности СССР. В 1977 г. по числу ядерных боеголовок потенциалы США и СССР практически сравнялись, достигнув количественного пика в 40 тыс. единиц примерно к концу 1985 г. А затем советский ядерный потенциал по числу ядерных боеголовок даже превышал американский вплоть до начала крупнейших сокращений стратегических ядерных потенциалов.

В Сибири в годы «холодной войны» производились многие виды самой совершенной военной техники, боеприпасов, вооружения, электроники. Только один завод им. В. П. Чкалова в Новосибирске к 1966 г. освоил производство 27 типов самолетов, передал Вооруженным силам СССР 26 700 боевых машин, в том

числе в 1946–1965 гг. — более 10 тыс. реактивных самолетов¹. Таким образом, можно считать, что в том числе и с участием Сибири в СССР в послевоенные годы был создан мощный, адекватный вызовам времени, арсенал вооружений, ставший щитом от любой агрессии, направленной не только против Советского государства, но и его союзников.

В годы совнархозовского реформирования мало изменился и характер управления индустриальными новостройками Сибири. По отношению к ним была также сохранена ранее существующая главная властная вертикаль «от центра к региону». В Москве решались все проблемы крупного индустриального строительства в Сибири. Кроме того, на руководящие посты в сибирские СНХ были назначены крупные московские чиновники, по-прежнему подотчетные центральным органам государственного управления. Так, председателем Кемеровского СНХ был направлен бывший министр угольной промышленности А. Н. Задемидко, в руководство Красноярским краевым СНХ был отряжен целый десант в лице министра цветной металлургии СССР П. Ф. Ломако и его заместителей А. Д. Бизяева, В. П. Зеликсона, М. Д. Воробьевского [12, с. 87].

Хотя следует признать, что с образованием СНХ местные правящие партийные и советские элиты стали активнее продвигать крупные проекты социально-экономического развития своих регионов, связанные, как правило, с индустриальным строительством. Для Красноярского края, например, главными стратегическими объектами представлялись Норильск и строительство ГЭС на Ангаре и Енисее, на энергетической базе которых, по мнению руководства Красноярского крайкома КПСС и Красноярского СНХ, возможно создание крупных индустриальных комплексов в Восточной Сибири. В качестве первоочередного

¹ Государственный Архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 4-П. О. 34. Д. 432. Л. 111-112.

в плане семилетки предлагалось создание нового металлургического центра с использованием высококачественных руд Ангаро-Питского железнорудного бассейна.

Председатель Красноярского СНХ П. Ф. Ломако в своей докладной записке в правительство ссылался на расчеты о высокой экономичности развития металлургической промышленности в Красноярском крае. Он заявлял, что здесь значительные капитальные затраты на организацию производства быстро окупятся, так как в рудах содержится значительная доля железа. Использование концентратов из ангарских руд также более эффективно в Кузбассе или на других металлургических производствах в Западной Сибири по сравнению с местными рудами¹.

Период совнархозов в Сибири породил немало местных инициатив, которые рассматривались в Москве, как правило, только в том случае, если они не противоречили общегосударственной стратегии хозяйственного развития региона, основывающейся на индустриализации и освоении богатых природных ресурсов. В 1950–1960-е гг. региональные лидеры Сибири активно старались продвигать решение крупных экономических проблем на подведомственных территориях с целью определения перспектив, как их экономического, так и социального развития. Для подготовки проектных материалов привлекались научные учреждения, среди которых были как академические, так и отраслевые. В 1955–1958 гг. по инициативе региональных властей состоялось несколько экспедиций Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского филиалов АН СССР и Государственного института по проектированию металлургических заводов (Гипромеза), посвященных выбору мест для строительства металлургических заводов в Сибири. Рассматривалось не-

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. О. 31. Д. 424. Л. 43–50.

сколько вариантов размещения предприятий, как в Восточной, так и Западной Сибири. Практически решенным считался вопрос о строительстве металлургического комбината в 6 км от Тайшета, но в директивы семилетнего плана оно не было включено. Строительство металлургических предприятий в Сибири сосредоточилось вокруг производства алюминия. Увеличение производства черных металлов было получено в результате сооружения в Новокузнецке мощного Западно-Сибирского металлургического комбината, на который стали поставляться богатые железом концентраты ангаро-енисейских рудных месторождений.

Однако внедрение системы управления экономикой посредством СНХ не решило всех проблем ни на общесоюзном, ни на региональном уровнях. Возросла бюрократическая нагрузка, лоббировались зачастую сугубо местнические интересы в ущерб научно-техническому развитию экономики. По итогам первых четырех лет работы СНХ было отмечено замедление темпов роста промышленного производства СССР. План ввода в действие основных производственных фондов не выполнялся. Строительные организации не осваивали выделяемые им капитальные средства. Возникали проблемы с внедрением новой техники и технологии.

Попыткой преодоления выше названных проблем стало создание отраслевых Государственных комитетов, в ведение которых были переданы НИИ, конструкторские и проектные организации. Для руководства Государственными отраслевыми комитетами создавался СНХ СССР. В целях координации работы предприятий в отраслевом и региональном масштабе в декабре 1962 г. Совет Министров РСФСР принял постановление об укрупнении СНХ. Вместо 67 в республике формировалось 24 СНХ. В Зауралье в 1963 г. действовали Западно-Сибирский, Кузбасский, Красноярский, Восточно-Сибирский. На Дальнем Востоке были созданы Дальневосточный и Хабаровский СНХ.

Таким образом, началось снова движение в сторону централизации экономического управления. В январе 1963 г. СНХ лишались функции управления строительными организациями. В Западной Сибири создавался «Главзапсибстрой», объединивший все строительные организации региона союзного и республиканского подчинения. На Дальнем Востоке Хабаровский СНХ передал свои строительные предприятия и организации Главному управлению по строительству в Хабаровском экономическом районе Министерства строительства РСФСР.

В мае 1963 г. появились новые координирующие органы — плановые комиссии в каждом экономическом районе. Одновременно председатели этих комиссий вместе с руководством исполкомов, СНХ, крупных предприятий, строительных, исследовательских и проектных организаций объединились в составе Советов по координации развития народного хозяйства. В целом централизованное отраслевое управление было восстановлено в 1965 г. Вначале в составе СНХ были ликвидированы управления, непосредственно связанные с оборонной промышленностью, а курируемые ими предприятия передали вновь созданным министерствам, основой которых явились Государственные комитеты по отраслям. Затем в соответствии с решениями сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС была восстановлена досовнархозовская система управления промышленностью и строительством, воссозданы союзные, союзно-республиканские и республиканские министерства, которым были подчинены конкретные предприятия.

В Сибири в условиях активного индустриального строительства и наращивания экономического потенциала в интересах развития всего хозяйственного комплекса СССР и его военно-оборонной составляющей было крайне сложно организовать вообще унифицированное управление. Предприятия зачастую

требовали специфической организации, особых каналов финансирования и снабжения необходимыми ресурсами. Поэтому централизованное управление промышленностью и строительством в регионе практически не прекращалось. А совнархозовская реформа была лишь некоторой попыткой децентрализации управления экономикой, которая по объективным причинам не могла быть удачной.

Список использованной литературы

1. XX съезд Коммунистической Партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. — Полутом 2. — М. : Политиздат, 1956. — 560 с.
2. Алексеев В. В. Электрификация Сибири: ист. исследование: в 2 ч. / В. В. Алексеев. — Новосибирск : Наука, 1976. — Ч. 2. — 272 с.
3. Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации / Е. Т. Артемов. — М. : РОССПЭН, 2006. — 256 с.
4. Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг. : сб. док. [В 4 т.]. Т. 4 : 1953–1957 годы. — М. : Политиздат, 1958. — 864 с.
5. Заболотская К. А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890-х — начало 1990-х гг.) / К. А. Заболотская. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 1995. — 342 с.
6. Историческая энциклопедия Сибири / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, Изд. дом «Ист. наследие Сибири» ; [отв. ред. : В. И. Клименко]. — Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2010. — Т. 2 : К — Р. — 807 с.
7. Историческая энциклопедия Сибири / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, Изд. дом «Ист. наследие Сибири» ; [отв. ред. : В. И. Клименко]. — Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2010. — Т. 3 : С — Я. — 783 с.
8. Материалы Конференции по изучению производительных сил Иркутской области. 4–11 августа 1947 г. — Иркутск : Иркут. обл. изд-во, 1947. — 136 с.
9. Рабочий класс Сибири, 1961–1980 гг. / [редкол. : И. И. Комогорцев (отв. ред.) и др.] — Новосибирск : Наука, 1986. — 355, [2] с. — (История рабочего класса Сибири).
10. Развитие производительных сил Восточной Сибири: [Тр. конф. В 13 т. [Т. 13] : Общие вопросы развития производи-

тельных сил / [отв. ред. акад. В. С. Немчинов]. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. — 171 с.

11. Савицкий И. М. Вклад оборонной промышленности Сибири в создание ракетно-ядерного щита СССР в годы «холодной войны». 1946–1965 гг. / И. М. Савицкий. — Новосибирск : Сиб. кн. изд-во. 2011. — 352 с.

12. Сизов Л. Г. Все остается людям. [Трилогия]. Т. 2, кн. 2 / Л. Г. Сизов. — Красноярск : Платина, 2000. — 387 с.

13. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг. / Н. С. Симонов. — М. : РОССПЭН, 1996. — 336 с.

14. Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства / [В. Н. Захаров, О. В. Волобуев, Я. В. Соловьев и др. ; редкол. : В. Н. Захаров (отв. ред.) и др.]. — М. : РОССПЭН, 2012. — 407 с.

15. Тимошенко А. И. Рождение гиганта. КАТЭК: настоящее и будущее / А. И. Тимошенко. — Красноярск : Краснояр. Кн. изд-во, 1987. — 133, [2] с.

16. Угольная промышленность Кузбасса, 1721–1996 / [К. А. Заболотская, А. А. Халиулина, З. Г. Карпенко и др.]. — Кемерово : Кн. изд-во, 1997. — 301, [2] с.

Информация об авторе

Тимошенко Альбина Ивановна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сектор истории социально-экономического развития, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: timoshenkoai@ngs.ru.

Author

Timoshenko Albina Ivanovna — Ph.D. in History, Senior Researcher, Socio-Economic Development History Sector, Institute of History of the SB RAS, 8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, e-mail: timoshenkoai@ngs.ru.

Библиографическое описание статьи

Тимошенко А. И. Совнархозовская реформа как попытка децентрализации управления экономикой СССР: сибирский региональный аспект / А. И. Тимошенко // Историко-экономические исследования. —

2015. — T. 16, № 4. — С. 702–724. — DOI : [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).702-724](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).702-724).

Reference to article

Timoshenko A. I. The Economic Council reform as an attempt to de-centralize economic management in the USSR: Siberian and regional aspects. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2015, vol. 16, no. 4, pp. 702–724. DOI: [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).702-724](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).702-724). (In Russian).